E 100 aee
1075

9773.

II изданій

E100—
1075

ПАМЯТИ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1826.

ГПИБ России
10001261

Печатать позволяется.

Санктпетербургъ, Апрѣля 1 дня 1826 года.

Цензоръ Александръ Красовскій.

ПОГАШЕНО

Памяти Императора Александра.

„Все, что мы въ Агриколѣ любили, все, чему въ немъ удивлялись, его пережило, и будетъ жить въ памяти людей и вѣчности временъ, величіемъ дѣлъ, имъ совершенныхъ.“

Тацитъ.

Когда Титъ, упѣха рода человѣческаго, нисшелъ въ гробъ, краткость его царствованія приписывали счастію, ему сопутствовавшему (*). Императоръ Александръ превзошелъ его въ благополучіи: по двадцати-пяти-лѣтнемъ царствованіи, Онъ похищенъ отъ насъ въ полнотѣ силы и генія, во всемъ блескѣ Своего могущества, и унесъ съ Собою во гробъ любовь Своихъ народовъ столь же пламенною, столь же искреннею, какъ была она въ первый день Его царствованія. По прошествіи цѣлой четверти столѣтія, преждевременная кончина Его есть бѣдствіе всеобщее и частное несчастіе каждаго се-

---

(*) Felix imperio, felix brevitate regendi. *Auson.*

жейства. Въ продолженіе цѣлой четверти столѣтія, Онъ, подобно Нервѣ, сочеталъ то, что прежде казалось несоединимымъ: могущество Монарха и свободу народа (*).

Мы почитали почти невозможною утрату, насъ поразившую; если когда либо, мысль о ней представлялась намъ, то мы съ ужасомъ ее отвергали. Полный жизни, цвѣтущій здоровьемъ, Александръ, исполнялъ насъ надежды, въ которой, увы! мы нынѣ жестоко обмануты. Кончина Его есть одно изъ тѣхъ событій, въ возможности коихъ мы еще сомнѣвались. Мы думали, что безсмертіе Его царствованія должно простираться и на обожаемую главу Его. Никто не замѣчалъ и малѣйшаго умаленія въ тѣлесныхъ силахъ Императора, а нравственныя силы Его соотвѣтствовали высотѣ Его трона. Казалось, Онъ былъ неподверженъ общимъ законамъ природы: ни труды военные, ни заботы государственныя, ничто Его не утомляло; чело Его всегда сіяло свѣжестію вѣчной юности. Въ Немъ видѣли мы Генія Хранителя Имперіи, облеченнаго въ образъ человѣческій. Пятьдесятъ милліоновъ людей окружали Его своею любовію; пятьдесятъ милліоновъ людей мо-

(*) Res olim dissociabiles principatum ac libertatem. *Tacit.*

лили Ему благословенія Неба, съ котораго, казалось, нисшелъ Онъ къ намъ. Мы почитали Его неуязвимымъ.....

И Его нѣтъ уже!... Нѣтъ отца многочисленнаго семейства, Главы, верховнаго Правителя Царства! Ударъ непредвидимый поразилъ Его на границѣ Имперіи, тогда, какъ мы надѣялись вскорѣ зрѣть Его посреди насъ... Лишь только разнеслась ужасная вѣсть сія, вся Имперія облеклась въ одежду сѣтованія; наступилъ, казалось, одинъ изъ тѣхъ злосчастныхъ дней, въ которые Римляне облекали покровами изваянія боговъ своихъ.

Не нынѣ, не посреди глубокихъ ощущеній всеобщаго сѣтованія, можно вооружиться рѣзцомъ Исторіи: благоговѣйное воспоминаніе — вотъ все, что можемъ мы посвятить памяти Великаго. Не между нами живетъ, быть можетъ, повѣствователь дѣяній Александра. Поколѣніе, толпящееся вокругъ Его гроба, двадцать лѣтъ съ Нимъ вмѣстѣ мыслило, спрадало, любило, сражалось, побѣждало. Оно не избѣжитъ прелести воспоминанія, а нелицепріятная Исторія требуетъ умовъ непредубѣжденныхъ. Начертаетъ сію великую картину, надлежитъ потомству: намъ остается только лить слезы надъ прахомъ человѣка необыкновеннаго, произведшаго вліяніе столь благодѣ-

тельное на Царство, и столь могущественное на чувствованія сердецъ нашихъ!

Двадцать пять лѣтъ царствованія Александрова заключаютъ въ себѣ одну изъ достопамятнѣйшихъ эпохъ всемірныхъ лѣтописей. Въ одно время съ Нимъ возвышался на другомъ краѣ Европы человѣкъ необыкновенный, который скоро сдѣлался распорядителемъ судебъ ея. Сношенія его съ Александромъ составляютъ отличительную черту сей эпохи. Въ торжествѣ и въ несчастіи, въ союзѣ и раздѣленіи, въ дружбѣ и враждѣ, они управляли міромъ и въ исполинской борьбѣ, окончившей долгую ихъ распрю, великость происшествій соотвѣтствовало великости противниковъ. Паденіе Наполеона было началомъ новой политики въ Европѣ, политики, которой Императоръ Александръ былъ творцемъ и душею, политики, почерпнутой изъ возвышеннѣйшихъ чувствованій и правилъ нравственности, и владычествовавшей безъ усилія надъ выгодами личными и страстями современными.

Царствованіе Александра поставило Россію на степень силы и могущества, дотолѣ неизвѣстную и утвердило твореніе Петра Великаго и Екатерины II; оно было бы столь же достопамятно, столь же славно во внутреннемъ управленіи Имперіи, если

бы Провидѣніе не остановило Александра на срединѣ Его поприща. Событія необыкновенныя, посреди коихъ Онъ находился, не позволили Ему исполнить того, что обдумывалъ Онъ для блага Своего народа: быть можетъ, при закатѣ жизни, который казался еще столь отдаленнымъ, намѣревался Онъ осуществить высокія мысли, всегда Его занимавшія; быть можетъ, что, утвердивъ внѣшнее могущество Имперіи, и освободясь отъ всѣхъ другихъ заботъ, Онъ обратилъ бы на внутреннее управленіе дѣятельную попечительность, обширныя познанія и твердое желаніе добра, которыми Провидѣніе надѣляетъ иногда тѣхъ, кому вручаетъ судьбу народовъ и предоставляетъ пещись объ ихъ благополучіи. Императоръ похищенъ отъ насъ на срединѣ Его поприща, и половина любимыхъ Его намѣреній осталась неисполненною, но мы не менѣе должны съ чувствомъ признавать особенный характеръ, напечатлѣнный на всемъ, что касается до Его памяти. Какое совершенное спокойствіе въ городахъ! Какая трудолюбивая тишина въ поляхъ! Величіе посреди бѣдствій, умѣренность посреди блестящихъ успѣховъ! Неизмѣнное сознаніе должностей своихъ, полагающее предѣлы власти, ничѣмъ неограниченной; благородная недовѣрчивость къ

самому Себѣ, увеличивающая силу законовъ непремѣнною онымъ покорностію; простая, умѣренная жизнь мудреца, возвышенное благочестіе подвижника Христіанскаго, чувствительность и просвѣщеніе, свойственныя мужу нашего вѣка — вотъ, что непрестанно поражало наши взоры! Вотъ что въ теченіе двадцати пяти лѣтъ запечатлѣвало всѣ дѣйствія минувшаго царствованія! Двѣ эпохи въ жизни Императора Александра особенно способствовали къ тому, чтобы соединить существованіе Его съ существованіемъ народа, и утвердили многочисленныя связи, ихъ сопрягавшія. Эпохи сіи суть событія въ 1812, и бѣдствіе Петербурга въ 1824 году. Другія Его дѣянія займутъ, можетъ быть, болѣе мѣста въ лѣтописяхъ Исторіи: эти принадлежатъ исключительно намъ. Въ другія времена Александръ былъ героемъ и миротворцемъ Европы, но посреди пламени 1812, и волнъ 1824, Онъ былъ героемъ Своего отечества, мужественнымъ защитникомъ Своего народа, его подпорою и спасителемъ. Происшествія необыкновенныя позволили Ему отвергнуть пышность наружную, которая часто скрываетъ лучшихъ Государей отъ глазъ лучшихъ народовъ: чистая, прекрасная душа Его тогда явилась намъ безъ покрова; союзъ сострастія соединилъ тогда Государя и

подданныхъ, отца и дѣтей Его. Мы видѣли какъ Онъ, благосердый къ несчастію, спокойный при видѣ бѣдствія Москвы, готовый перенести все, кромѣ постыднаго мира, сокрушался только о бѣдствіяхъ народа и посреди ихъ забывалъ самого Себя. Какъ великъ былъ Онъ тогда, какъ, пріявъ грозный мечъ Свой, Онъ поднялъ знамя свободы Европейской въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Европа готовилась совершить нашу гибель! Политическая жизнь Императора принадлежитъ Исторіи, которая заботится болѣе о дѣяніяхъ блестящихъ, нежели о дѣлахъ семейственныхъ (*); но она не изобразитъ намъ дѣятельной, усердной, великодушной попечительности, оказанной Императоромъ Александромъ, когда неукротимыя волны затопляли Его столицу. Съ какимъ постоянствомъ, съ какою нѣжностію, благодѣянія Его отыскивали несчастныхъ! Съ какою разборчивостію посылалъ Онъ насъ къ нимъ на помощь! Какъ Онъ о всемъ освѣдомлялся, какъ чудесно высокое Его разумѣніе, созданное для управленія міромъ, входило во всѣ подробности благотворенія! И какія благословенія раздавались со всѣхъ сторонъ! Какую благодарность, какое удивленіе ощущали жертвы наводненія при видѣ Импера-

(*) Domestica facta. *Horat.*

тора! Мы слышали вблизи сладостное созвучіе сердецъ; мы видѣли изображеніе Александра, украшающее бѣдныя хижины, въ которыя разносили мы Его благодѣянія; мы слышали, какъ несчастный, возвращенный къ жизни, благословлялъ великодушнаго Монарха; мы видѣли его, проливающаго слезы при взглядѣ на пособіе неожиданное, и всегда превосходившее его потери; подобныя картины никогда не изглаждаются: онѣ достояніе народа и вѣчно будутъ жить въ его памяти. Какъ тщетны, какъ суетны похвалы Исторіи предъ гимномъ несчастливцевъ!..... Ахъ! изъ горняго жилища, гдѣ покоится великая душа Его, освободясь отъ бремени существованія, Александръ, конечно слышитъ голосъ бѣднаго, имъ облагодѣтельствованнаго, и умилительная слава добраго человѣка превышаетъ, можетъ быть, съ глазахъ Его огромную славу Монарха!....

Съ важными качествами Государя Императоръ Александръ соединялъ пріятнѣйшіе дары природы. Прекрасныя, благородныя черты, улыбка, взглядъ кроткій и проницательный, станъ мужественный и высокій, необыкновенная прелесть, разлитая во всей Его Особѣ, дѣлали Его прекраснѣйшимъ мужчиною въ Государствѣ и, можетъ быть, совершеннѣйшимъ человѣкомъ Его времени.

Посреди Своего Двора или передъ войскомъ, тогда, какъ говорилъ у воротъ Парижа къ Депутатамъ города, или тогда, какъ одинъ прогуливался въ саду Царскосельскомъ, всегда, вездѣ былъ Онъ Владыкою міра.

Искусный въ управленіи людьми, Императоръ Александръ обладалъ рѣдкимъ даромъ слова, способностію всегда находить точное выраженіе, тонкимъ чувствованіемъ приличій; ничто не могло противиться очаровательности Его обхожденія: Онъ былъ ласковъ безъ излишества, важенъ безъ принужденности, кротокъ безъ слабости; Онъ имѣлъ неограниченную власть надъ умами.

Ненавидя пышность и суетное представленіе, Императоръ выходилъ иногда изъ уединенія, на которое обрекали Его и важныя занятія и природная склонность, и предавался удовольствіямъ домашняго общества, особенно въ первой половинѣ Своего царствованія. Въ это время Онъ часто появлялся въ придворныхъ собраніяхъ. Кто изъ насъ не помнитъ, какъ Онъ, блистающій юностію и красотою, являлся образцемъ вѣжливости и любезности? Съ рыцарскою прелестію Франциска I Онъ соединялъ величественную прелесть Лудовика XIV. Никто не умѣлъ обходиться съ женщинами съ такою тонкою учтиво-

стію; никто не умѣлъ такъ хорошо говорить съ ними.

Императоръ оказывалъ въ дѣлахъ тотъ вѣрный, опытный взглядъ, который при первомъ воззрѣніи опредѣляетъ ихъ границы, то присутствіе духа, которое мгновенно постигаетъ истинный смыслъ ихъ. Языкъ правды не оскорблялъ Его: Онъ искалъ ея всею чистотою души Своей, всею возвышенностію ума Своего. Онъ допускалъ ее къ себѣ не такъ, какъ иногда допускаютъ ко Дворамъ иностранцевъ, коихъ полудикое одѣяніе разнообразитъ удовольствіе и возвышаетъ блескъ ихъ: правда была пищею души Его, потребностію разума. Чтобы до Него достигнуть, лесть заимствовала языкъ простосердечной грубости, и себялюбіе — видъ искренности. Для человѣка, каковъ былъ Императоръ, похвала прямая не могла быть опасною; онъ долженъ былъ остерегаться обманчивой простоты.

Императоръ былъ не только Правителемъ Царства, но правителемъ каждаго семейства. Съ какою неистощимою милостію, съ какою неизъяснимою прелестію Монархъ нисходилъ съ высоты міра политическаго во внутренность семействъ! Съ какимъ радушіемъ, съ какимъ терпѣніемъ слушалъ повѣствованія о ихъ страданіяхъ; какъ ста-

рался Онъ узнавать ихъ нужды и желанія; какъ разливалъ Онъ вокругъ Себя тишину и согласіе! Кажется, что долговременное обладаніе верховною властію, не только не уменьшило нѣжности души Александра, но напротивъ сдѣлало Его болѣе чувствительнымъ, болѣе сострадательнымъ, однимъ словомъ — болѣе человѣкомъ.

Продолжительное царствованіе Императора имѣло сильное вліяніе на современное намъ поколѣніе. Въ Его глазахъ училось оно искусству жить и познанію вещей. Онъ разсыпалъ вокругъ Себя сѣмена, которыя носилъ въ сердцѣ. Онъ имѣлъ власть неопредолимую надъ мнѣніями, нравами, идеями. Любовь къ тишинѣ и порядку, покорность законамъ, очищенные обычаи семейственной жизни, стремленіе къ важнымъ Наукамъ, все, даже и чувствованія бо́льшей части народа при Его смерти — все Его твореніе.

Если бы позволено было хвалить въ Государѣ личное мужество, то можно бъ было сказать, что Императоръ Александръ былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ людей своего времени. Презрѣніе опасности, сопровождавшее Его во всю жизнь, было, можетъ быть, причиною Его кончины. Полагаясь на крѣпость Своего сложенія, Онъ не обращилъ вниманія на Крымскую лихорадку, болѣзнь коварную,

отъ которой не могли спасти Его средства, слишкомъ поздно принятыя. Здѣсь да остановится мысль наша и бѣдствіе, столь ужасное, не можетъ постигнуть цѣлаго народа безъ особенной на то воли Провидѣнія: признаемъ сію испишу, и будемъ благоговѣть предъ Десницею, насъ поразившею!.....

Императоръ встрѣтилъ смерть на одрѣ страданія, съ челомъ, столь же яснымъ, какъ встрѣчалъ ее въ дни битвъ. То былъ герой 1812 и 1814 годовъ; только поле сраженія измѣнилось. Чистая, великая душа Его, отрѣшаясь симъ послѣднимъ бореніемъ отъ земныхъ связей, вѣрно ощущала уже радость собирателя жатвы, который идетъ получить мзду за долгій день работы. Великій человѣкъ, Котораго мы оплакиваемъ, конечно, чувствовалъ, что былъ двадцать лѣтъ любовію половины свѣта и удивленіемъ другой. Если къ благородному свидѣтельству всеобщаго сознанія нужно прибавить свидѣтельства, которыя, быть можетъ, важнѣе на краю гроба, то въ пользу Императора были и голосъ вдовы и благословенія сироты, и стонъ нищаго, и воспоминаніе о *чашѣ воды*, которую Онъ часто подавалъ ему во Имя Того, Кто къ себѣ призывалъ Его!.....

Возвратясь въ Таганрогъ $\frac{5}{17}$ Ноября 1825, Императоръ привезъ изъ Крыма уси-

лившуюся уже болѣзнь, въ послѣдствіи Его похитившую, которой первый признакъ Онъ оставилъ безъ вниманія. Съ трудомъ согласился Онъ употребить цѣлительныя средства, но они не могли уже ослабить дѣйствія лихорадки. До $\frac{14}{26}$ ч. болѣзнь чрезвычайно усилилась. $\frac{16}{27}$ Императоръ, предувѣдомленный объ опасности Его положенія, принялъ послѣднее пособіе изъ рукъ Религіи, съ благочестіемъ святаго и спокойствіемъ героя. Съ сей минуты Онъ покорился врачамъ, но ихъ усилія не могли произвесть спасительнаго переворота; слабость Его была чрезвычайна; Императоръ уже не говорилъ, и съ вечера $\frac{18}{30}$ лежалъ безъ чувствъ. Онъ скончался $\frac{19\text{ Ноября}}{1\text{ Декабря}}$ въ 10 часовъ 50 минутъ утра. Августѣйшая и несчастная Супруга Его, получившая послѣднія изъявленія Его нѣжности, приняла послѣдній вздохъ Его и закрыла Ему глаза..... Кто осмѣлился бы оспоривать у Нее сіе горестное и драгоцѣнное преимущество? право, пріобрѣтенное страданіями, которыхъ языкъ человѣческій выразить не можетъ?..... Все было благородно, все величественно въ семъ ужасномъ происшествіи; гласъ скорби раздался повсюду отъ скалы Таганрога: міръ просвѣщенный и хижина дикаго поражены однимъ ударомъ..... Господь изрекъ свою волю....

Станемъ ли мы изображать глубокое уныніе, ужасную скорбь, объявшія столицу при полученіи вѣсти о смерти Императора? Будемъ ли изображать горестное зрѣлище Августѣйшей Его Фамиліи, пораженной симъ внезапнымъ ударомъ? Слова недостаточны для начертанія подобныхъ картинъ; печаль столь великая можетъ быть выражена однимъ молчаніемъ. Будемъ утѣшаться увѣренностію въ томъ, что лучшее наслѣдство Александра, достояніе добродѣтелей, чувствованій, патріотизма, принадлежащее Высокому Его Дому, благонадежно обѣщаетъ Россіи новыя времена славы и благоденствія.

Время, протекшее отъ кончины Императора Александра, время столь краткое, но обильное происшествіями достопамятными, ясно намъ то доказываетъ. Мы видѣли, какъ два Князя, наслѣдовавшіе благородное Его безкорыстіе, по великодушнѣйшимъ побужденіямъ отвергали права, самыя неоспоримыя; оба, тѣмъ болѣе достойные трона, что оба отъ него отрекаются: споръ великій, въ которомъ духъ Александра былъ посредникомъ. Мы видѣли, какъ сіе рѣдкое трогательное зрѣлище было возмущено злодѣяніями нѣсколькихъ мятежниковъ, безумцевъ, которые безъ уваженія къ священнѣйшимъ пользамъ своего отечества, намѣревались разодрать его нѣ-

дра, и обманомъ и убійствомъ предвѣщали уже судьбу, которую ихъ изступленіе ему готовило! Безъ сомнѣнія, Провидѣнію угодно было избавить Императора Александра отъ зрѣлища сего преступнаго заблужденія; кажется, что сила Его великаго имени была одна власть, которой могущество мятежники еще признавали. Они, конечно, страшились, что воззваніе Александра къ Своему народу будетъ для нихъ гласомъ Ахиллеса, когда онъ вдругъ явился на корабляхъ Греческихъ, и одна великая тѣнь его посѣяла разстройство въ рядахъ непріятелей. Возмутители ожидали, чтобы мощная десница, державшая бразды правленія, охладѣла, и дѣйствія безсильнаго ихъ неистовства уничтожились между гробомъ Александра и тропомъ Его Наслѣдника.

Да будутъ сіи краткія мгновенія страха и печали заглажены долгими днями тишины и согласія! Да утвердитъ твореніе Александра юный и мудрый Монархъ, Братъ и избранный имъ Преемникъ Его, къ Которому стремятся желанія, на Коего возложена надежда пятидесяти милліоновъ людей, и да обезсмертитъ Онъ имя Свое счастіемъ Своихъ народовъ! Да соберутся вокругъ Его трона всѣ, которые, чувствуя свои обязанности, готовы пролить кровь свою за Него,

за Его дѣло, дѣло ихъ собственное, дѣло справедливости, порядка, человѣчества; да процвѣтутъ въ Россіи, покровительствуемой правленіемъ отеческимъ и законами мудрыми, съ твердостію исполняемыми, всѣ источники народнаго благоденствія и да возможетъ сказать иноземецъ, ее посѣтившій: „*Се людіе премудріи и умѣтелны, языкъ великій сей.*“ (Второзак. Гл. IV, ст. 6.)

А ты, Душа величественная, Душа вѣчно любимая и священная! если изъ горняго жилища, гдѣ обитаешь теперь вмѣстѣ съ великими людьми всѣхъ вѣковъ и народовъ, геніями-покровителями рода человѣческаго, Ты взираешь на скорбящее Твое Царство, на исполненную сѣтованія столицу Твою, то не отвергнешь сего слабаго и горестнаго приношенія, полагаемаго у подножія Твоего гроба!..... Если не возмогъ я выразить чувствованія всѣхъ сердецъ, если не возвысился до великихъ мыслей, внушаемыхъ сею безмолвною могилою, то утѣшаюсь тѣмъ, что по мѣрѣ силъ своихъ отдалъ памяти Твоей долгъ благодарной вѣрности; сохранилъ нѣкоторыя черты образа, смертію непощаженнаго, нѣсколько звуковъ голоса, котораго мы болѣе не услышимъ; можетъ быть, возобновилъ я въ другихъ сердцахъ впечатлѣніе взгляда благороднаго и крошка-

го, коего прелести выразить невозможно. Повторяю, отъ насъ не должно требовать строгаго и холоднаго сужденія Исторіи: поколѣніе, къ которому принадлежу я, и для котораго начертаны сіи строки, не отдѣлится отъ своихъ воспоминаній..... Такъ, Душа обожаемая, сѣтованіе его о Тебѣ соединяется съ сѣтованіемъ о юности и надеждѣ; скорбь его о Твоей потерѣ соединяется со скорбію о потерѣ юности и надежды; подъ Твоимъ покровомъ прошекла для него лучшая половина жизни, время ничѣмъ незамѣняемое, коего впечатлѣнія никогда не изглаждаются. Нѣчто таинственное вѣщаетъ намъ, что отъ насъ сокрылись цѣль всѣхъ нашихъ усилій, побужденіе желаній, посредникъ судебъ, намъ предназначенныхъ, геній-покровитель, паривший и надъ могилами отцевъ и надъ колыбелями дѣтей нашихъ: лучезарный слѣдъ, имъ оставленный, показываетъ намъ, что въ сей жизни неизмѣнны только чувствованія любви глубокой и безкорыстной.

Съ Фр. А. О—нъ.

БИБЛИОТ
Государ. Истор
Ж
193